

Сапёлкин Андрей Александрович,
кандидат исторических наук, доцент,
Дальневосточный государственный институт искусств

ВЕДЬМЫ В ПЬЕСАХ ШЕКСПИРА КАК РЕАЛИИ СОВРЕМЕННОЙ ДРАМАТУРГУ ЭПОХИ

Аннотация. В статье рассматривается феномен веры в ведьм и колдовство, характерной для эпохи Шекспира, что нашло отражение в его творчестве. Единственная пьеса драматурга, где ведьмы упоминаются не в разговорах персонажей, а выведены на сцене, – это «Макбет». На ее примере показано, как прочно вера в сверхъестественное была укоренена в сознании людей того времени.

Ключевые слова: Шекспир, ведьмы, колдовстве, «ведьминские практики», Макбет, сверхъестественное, темные силы.

Шекспировская эпоха была временем, когда в сознании людей жила твердая вера в сверхъестественное и потустороннее, от которой брала начало убежденность в существовании ведьм и привидений, считавшихся неотъемлемыми явлениями действительности. «Насколько среди простых людей были распространены суеверия, легко можно понять, коль скоро даже величайшие гении и ученые [того времени] верили... не только в теоретическое существование потусторонних явлений, но и в возможность их проявления в яви» [16. С. 220].

Английская литература XVI – первой половины XVII веков является наглядным свидетельством такой веры: произведения великих драматургов, а также сочинения и письменные свидетельства лиц, принадлежавших к разным слоям английского общества, содержат указания на наличие высших сил и выдают страх перед колдовством. «Таков был дух времени, и было бы совершенно неестественно, если бы человек, живший в подобных условиях, не поддавался бы их влиянию» [10. С. 8]. О вполне серьезном отношении властей к «проблеме» говорит тот факт, что и при Елизавете I, и при Якове I – двух монархах, на годы правления которых пришлось жить Шекспиру, были изданы специальные «статуты» против колдовства и «ведьминских практик» – в 1562 и 1603 году соответственно.

Упоминания о ведьмах и колдовстве в большинстве пьес Шекспира носит спорадический характер, но всякое такое упоминание указывает на то, что великий драматург был хорошо знаком с бытовавшими суевериями, поскольку всевозможного рода подробности и обстоятельства, с ними связанные, воспроизводятся им с предельной точностью. Так, в первой части трилогии «Генрих VI» (д. I, сц. 5) Тальбот, сражаясь с Жанной д'Арк, восклицает: «Черт иль чертовка, закляну тебя, / Я кровь тебе пушу, лихая ведьма...» (пер. Е. Бируковой). Слова персонажа связаны с поверьем, что тот, кто пустит ведьме кровь, становится неподвластным ее колдовству или же снимает с себя наложенное ею заклятие [9. С. 181].

В пьесе «Троил и Крессида» (д. II, сц. 1) Аякс в перебранке с Терситом восклицает: *Thou stool for a witch!* – дословно «ты, табурет (или стул) для ведьмы». Упоминание о «ведьмином стуле» в пьесе, действие которой происходит во времена легендарной Троянской войны (предположительно XIII-XII века до н. э.) – один из многочисленных анахронизмов Шекспира. Современному читателю или зрителю, тем более русскоязычному, эти слова ровным счетом ничего не говорят, поэтому переводчики стремятся найти им более или менее подходящую замену: у Н. Гнедич они превращаются в «ведьмин кол», что не понятней «стула», а у А. Федорова – в «ведьмин помет», что «работает» как ругательство, но далеко от оригинала. Однако современники драматурга прекрасно понимали, о чем шла речь: это было

особый стул или табурет, который использовался при допросе женщин, подозревавшихся в колдовстве: «...Их усаживали на стул или табурет, связав ноги крестом, так что вес тела полностью приходился на сиденье, и вследствие этого некоторое время спустя ток крови большею частью прекращался, так что сидеть становилось мучительно... И с этой болью ей приходилось сидеть двадцать четыре часа без сна или еды. Неудивительно, что, когда их подвергали такой безбожной пытке, они, бывало, признавали себя виновными в чем угодно, лишь бы избавиться от такого мучения» [2. С. 236].

В комедии «Виндзорские проказницы» (д. IV, сц. 2) миссис Форд в разговоре с миссис Педж говорит следующее: «...мой муж... не выносит брентфордскую старуху и клянется, что она ведьма...», а миссис Педж чуть позже говорит: «Пойдемте наряжать Фальстафа брентфордской ведьмой» (пер. М. Кузмина). Предмет разговора хорошо знаком обеим приятельницам, и столь же знаком он был, надо полагать, тогдашней зрительской и читательской аудитории. Упоминание о нем имеется и у современных Шекспиру драматургов Т. Деккера и Дж. Уебстера – в их комедии *Westward Ho* («На запад, эй!», 1604-1605), где один из персонажей – женщина по имени Клэр (*Clare*), совершившая поездку в Брентфорд и притворяющаяся больной, – говорит: *I doubt that old / Hag, Gillian of Brainford has bewitched me* – «Боюсь, что эта старая карга, Джиллиан из Брейнфорда, меня заколдовала» (д. V, сц. 1) [3 [С. 60]]. Несмотря на различие в написании одного и того же имени собственного (у Шекспира «Брентфорд», а у Деккера и Уебстера – «Брейнфорд»), речь явно идет о том же персонаже, что и у Шекспира. *This mery widow mastres Iyllian* («эту веселую вдову, мистрис Джиллиан») сделал известной среди своих соотечественников – как современников, так и представителей одного-двух последующих поколений, – английский печатник У. Копланд (?-1569), выпустивший 16-страничную книжку *Jyl of Breyntford's Testament* – «Завещание Джил из Брейнтфорда» (ок. 1563). Из нее мы узнаём, что Брентфорд (в самом тексте уже такое написание – *Brentforde*) – это «к западу от Лондона, близ местечка под названием Сайон», где жила вдова, «честная по существу и полная жизнелюбия», которая «держала постоянный двор с очень хорошим проживанием для всех сословий, туда приезжавших» [5]. Далее говорится, что посещавшие этот постоянный двор «все сословия» весело проводили там время, так что характер деятельности его хозяйки вопросов не вызывает. Видимо, подобный род занятий «честной вдовы» не находил одобрения в тогдашнем обществе, особенно у женской его части, так что со временем отношение к «Джиллиан из Брентфорда» становилось все более отрицательным, так как массовое сознание не желало видеть в ее умении привлекать и располагать к себе иного начала, кроме колдовства и злых чар. Приведенные выше цитаты из двух пьес свидетельствуют о том, что репутация ведьмы за хозяйкой Брентфорда закрепилась прочно (а ведьма к тому же обязательно должна быть или «старухой», или «каргой»). Лишь миссис Форд у Шекспира, будучи женщиной очень умной, обладающей тонкой женской проницательностью и, несомненно, понимающей, в чем заключались чары «брентофрдской старухи», дает понять, что не особенно верит, будто та – ведьма, но так считает ее муж – недалекий и вспыльчивый мистер Форд. Как верно отметил Вальтер Скотт, вера в ведьм «укоренилась в умах простых людей потому, что давала простое решение многому из того, чего иначе они не могли себе объяснить» [14. С. 153].

Упоминание о ведьме имеется в «Гамлете». Один из персонажей пьесы, Марцел, довольно поэтично обрисовывает Рождественскую ночь (I д., сц. 1) и попутно замечает, что в такую ночь, *so hallow'd and so gracious* («столь святую и столь светлую»), *nor witch hath power to charm* – «ни одна ведьма не в состоянии творить заклинаний». Скорее всего, эти слова вложил в уста Марцелу сам Шекспир, поскольку источник этого утверждения не установлен, так что вряд ли можно счесть его за устоявшееся поверье – иначе бы оно циркулировало в многочисленных материалах того времени, дотошно перечисляющих все «ведьминские практики».

Единственная пьеса Шекспира, в которой ведьмы не просто вскользь упоминаются в разговорах персонажей, а являются реальными действующими лицами – это «Макбет», впервые напечатанный под названием «Трагедия Макбета» в первом шекспировском фолио в 1623 году, хотя сама пьеса была написана гораздо раньше – предположительно, в 1606 году [12. С. 336]. В первой и третьей сцене первого действия разговор содержит перечисление самых распространенных «ведьминских практик». *When shall we three meet again? / In thunder, lightning, or in rain?* – «Когда мы встретимся втроем опять? / В гром, молнию или в дождь?». Считалось, что «ведьмы умеют вызывать... молнии и гром, дождь и град..., бури и землетрясения» [13. С. 104]. В данной сцене ведьмы определяют, какая стихия будет сопровождать их следующую встречу. Затем первая ведьма слышит мяуканье кота, а вторая – кваканье жабы, которые воспринимаются ими как призыв, и все три спешат покинуть сцену. Кошки (особенно черные) и жабы – неизменные спутники ведьм, и считалось, что «под личиною кошек и жаб они [ведьмы] умеют скрывать бесов и духов» [Ibid].

В следующей сцене с участием ведьм на вопрос первой, обращенный ко второй, «где ты была?», та отвечает: *killing swine* – «убивала свиней». Наводить порчу на скот и особенно на свиней, по тогдашним представлениям, было одним из самых главных занятий ведьм: «Ни одна свинья не могла [просто] страдать от болезни, ни одна девушка – от черной меланхолии, но [обязательно] какую-нибудь старуху обвиняли в колдовстве» [4. С. 37].

Далее следует рассказ первой ведьмы о том, как некая «жена моряка» грызла орехи, а когда та попросила ее поделиться с нею, то «оплывшая жиром обжора» прогнала ее криком «вон, ведьма!». Отказать ведьме в просьбе – значит навлечь на себя беду: ведьма мстит, напуская на обидчиков болезни, порчу или даже смерть [13. С. 101-102]. Вторая ведьма выбирает изощренный способ мести: она знает, что муж обидчицы – «главный» (*master*) на корабле под названием «Тигр» (*Tiger*), который держит путь в Алеппо, и она намерена «отплыть на решете», догнать корабль, дабы, обернувшись «крысой без хвоста», пробраться на него и напустить на моряка порчу. Считалось, что ведьмы способны принимать обличье любого животного. Однако у ведьмы, обернувшейся тем или иным животным, отсутствует хвост, что отличает ее от настоящего животного и дает возможность ее изобличить [4. С. 30]. Необычный способ ведьмы поплыть по морю в решете тоже не вызывал удивления у тогдашней аудитории. «Решето у всех народов арийского происхождения... рассматривалось как мистическое орудие... Ведьмы использовали решето в качестве плавательного средства, несмотря на его неспособность держаться на воде. Сверхъестественные существа, разумеется, легко преодолевали столь пустячное физическое неудобство» [8. С. 108].

В описании внешнего облика ведьм Шекспир тоже следует канону. В пьесе, в отличие от прозаического произведения, где описания даются автором, описание внешности одного персонажа может дать только другой, и эту функцию драматург поручает Банко. Возвращаясь с поля битвы вместе с Макбетом, он первый замечает таинственные фигуры и в изумлении восклицает: *...What are these, / So wither'd, and so wild in their attire...?* – «Кто это такие, / Такие иссохшие и такие странные в своей одежде?». По тогдашним представлениям, ведьмы обязательно должны быть «тощими и уродливыми» [13. 101], «с изможденным лицом, бледные и в лохмотьях» [Ibid. С. 385]. Необходимость быть «тощими» объяснялась тем, что злой дух легче всего овладевает телами «субтильными и худыми» [Ibid. 227]. Но у шекспировских ведьм есть одна особенность: они бородаты: «...Верно, / Вы – женщины, но бороды про вас / Другое говорят...» (*пер. С. Соловьева*). Бороды у женщин невозможны, несмотря на утверждение некоторых комментаторов, что «ведьмы, согласно распространенному в народе поверью, всегда бородаты» [12. С. 40], а это не подтверждается никакой «специальной» литературой [8, 9, 13, 15, 16]). Объяснение наличию бород у ведьм в «Макбете» связано, скорее всего, с тем, что все женские роли в театре шекспировского

времени исполнялись мужчинами. Подростки, выступавшие в женских ролях, не могли появиться в образе ведьм, которые должны были быть старухами, а взрослые мужчины в то время обязательно носили бороды как знак зрелости и мужественности. Поэтому Шекспир и наделил своих ведьм бородами.

В разговоре ведьм, наряду с реалиями из числа «ведьминских практик», представляющимися в наше время фантастическими, Шекспир использует и реалии окружающей его действительности, не относящиеся к области сверхъестественного, что свидетельствует о том, насколько тесно те и другие были переплетены в сознании людей того времени – даже тех, кто принадлежал к кругу лиц образованных и просвещенных. Так, по словам второй ведьмы, муж ее обидчицы отправляется в Алеппо. Это был город в тогдашней Османской империи (ныне на территории Сирии), который в конце XVI – начале XVII века был «главным рынком английской торговли» на Востоке, и Англия имела там консула [1. С. IX]. Объект мести ведьмы, который плывет в Алеппо, является «главным» на корабле с названием «Тигр». «Главный» в те времена был вторым лицом на корабле после капитана – последний вообще необязательно был моряком, а выполнял, скорее, административные функции, тогда как «главный» был квалифицированным мореплавателем, отвечавшим непосредственно за плавание судна [7. С. Ххiii]. Что же касается «Тигра», то в шекспировские дни это было распространенное название кораблей [12. С. 32], и сам Шекспир, не проявляя особой оригинальности, в своей «Двенадцатой ночи» дает такое же название еще одному кораблю (V д., сц. 1). «Тигр», который мог быть «на слуху» в период написания Шекспиром «Макбета», – это, вероятнее всего, английский корабль, в октябре 1605 года подвергшийся нападению японских пиратов в Малаккском проливе. Атаку удалось отбить, но в ходе стычки погиб его штурман – видный английский мореплаватель Джон Дейвис. «Тигр» с уцелевшей частью экипажа вернулся в Англию, бросив якорь в Портсмуте 9 июля 1606 года [11. С. Ixxv–Ixxvi]. Хотя Дейвис совершил плавание гораздо дальше Алеппо и встретил свою смерть отнюдь не по наущению темных сил, Шекспир воспользовался дошедшими до него сведениями о плавании «Тигра» для придания, как это ни парадоксально звучит, большей достоверности словам и поступкам ведьм. Принципа историзма тогда не существовало, поэтому Шекспира совершенно не смущало то, что в действие его пьесы, относящееся ко времени, отстоявшему от его собственного на пять веков, вплетаются понятия, реалии и факты современной ему эпохи. При тогдашних очень ограниченных возможностях широкого и объективного информирования различных слоев общества о тех или иных событиях вести о них доходили до людей, как правило, в сильно искаженном виде, а отсутствие точной информации обильно восполнялось всякого рода слухами и домыслами. Английский глагол *to die* может иметь значение и «умереть», и «погибнуть», так что сообщение о том, что Дейвис *died* при отсутствии подробностей относительно обстоятельств его смерти, могло породить догадки: стала ли его смерть следствием внешнего фактора или же наступила по болезни, а за болезнью всегда прослеживался чей-нибудь злой умысел. Поэтому зрители на первых представлениях «Макбета» вполне могли соотнести упомянутый ведьмами корабль «Тигр» и «старшего» на нем с совершенно свежим событием – экспедицией Дейвиса, тем более что мало кто имел понятие, где находится Алеппо и куда в действительности плывал Дейвис.

Еще одним фактом, который связывает поступки ведьм с эпохой, современной Шекспиру, является обещание первой и третьей ведьмы споспешествовать второй в осуществлении ее намерения догнать в море отплывший в Алеппо корабль: обе обещают дать ей «свой ветер», дабы ускорить ее продвижение к цели. Ранее уже говорилось о распространенном поверье, что ведьмы способны управлять стихиями, вызывая, в частности, ветры и штормы, и обещание ведьм дать «свой ветер» – причем у каждой он свой, отдельный, – отсылала современную Шекспиру аудиторию к одному случаю сравнительно недавнего прошлого.

В 1589 году невеста шотландского короля Якова VI, Анна Датская, отплыла из Копенгагена в Шотландию. Однако сильнейший шторм, разыгравшийся в Северном море, разбросал корабли эскорта. Сообщалось, что какой-то ветер чудесным образом дул в паруса корабля, на котором находилась невеста, и вел его в направлении, совершенно противоположном тому, в котором следовали остальные корабли [15. С. 111-112]. Яков VI, твердо веривший в существование ведьм и их колдовские способности, сразу же пришел к заключению, что шторм был вызван злыми духами. Результатом стала развернувшаяся в Шотландии целая кампания по выявлению и преследованию ведьм, обвиняемых в том, что они замыслили против благочестивого монарха, мстя ему за его набожность. Признание в занятиях колдовством и в «ведьминских практиках» вырывалось у обвиненных жестокими пытками, а судьям король лично запретил выносить оправдательные приговоры [Ibid. С. 112-113].

В 1603 году Яков VI Шотландский вззошел на английский трон под именем Якова I. Он стал первым королем Англии из династии Стюартов и в первый же год своего правления в качестве такового принял «статут» против ведьм и колдовства, который поднял волну репрессий против подозреваемых в связях с «темными силами». Эта волна превзошла размахом ту, что тринадцатью годами ранее была инициирована им в Шотландии. «Судебные преследования предполагаемых ведьм в Англии и Шотландии составляют одну из самых печальных страниц в истории», – пишет, в связи с этим один автор [6. С. 328].

«Макбет» – пьеса в определенном смысле «официозная»: в ней косвенно прославляется династия Стюартов, поскольку один из ее персонажей, Банко, является прародителем этой династии. Шекспировская труппа играла и при дворе, так что король Яков вполне мог видеть представление «Макбета». Слова ведьм о том, что каждая может дать «свой ветер», были явно рассчитаны на то, что король их узнает и соотнесет с памятным ему событием. Шекспир здесь выступает верноподданным своего короля, разделяющим взгляды монарха на ведьм и «ведьминские практики». Как человек великий драматург был сыном своей эпохи, и три ведьмы в «Макбете» – не просто порождения прихотливого воображения Шекспира, а реалии окружавшей его действительности – по крайней мере, такой, какой она представлялась и самому драматургу, и его современникам.

Список литературы:

1. Bent J. Th. Early Voyages and Travels in the Levant. London: Printed for the Hakluyt Society, 1893. 305 p.
2. Critical, Historical, and Explanatory Notes on Shakespeare, with Emendations of the Text and Metre, by Zachary Grey, LL. D. Vol II. London: Printed for the Author, 1754. 345 p.
3. Dekker Th., Webster J. Westward Ho. As It Hath Beene Diuers Times Acted by the Children of Paules. Printed at London... 1607 [76 p. – нумерация страниц в издании отсутствует. Подсчитано вручную.]
4. Dyer T. F. Folk-Lore of Shakespeare. London: Griffith & Farran, [s. a.]. 526 p.
5. Early English Books Online. Iyl of Braintfords Testament Newly compiled. <https://quod.lib.umich.edu/e/eebo/A19317.0001.001/1:3?rgn=div1;view=fulltext>
6. Gunnyon W. Illustrations of Scottish History, Life, and Superstition from Song and Ballad. Glasgow: Robert Forrester, 1879. 360 p.
7. Hakluyt Ch. Voyages in Eight Volumes. Volume One. London: J. M. Dent & Sons, Ltd., 1962. 522 p.
8. Hardwick Ch. Traditions, Superstitions and Folk-Lore, Chiefly Lancashire and the North of England. London: Simpkin, Marshall & Co., 1872. 306 p.
9. Henderson W. Notes on the Folk-Lore of the Northern Counties of England and the Borders. London: W. Satchell, Peyton and Co., 1879. 389 p.

10. Lucy M., Jaggard W. Shakespeare and the Supernatural. Liverpool, At the Shakespeare Press, Jaggard & Company, 1906. 38 p.
11. Markham A. H. The Voyages and Works by John Davis, the Navigator. London: Printed for the Hakluyt Society, 1858. 392 p.
12. A New Variorum Edition of Shakespeare. Macbeth. Ed. by Horace Howard Furness. Philadelphia, J. B. Lippincott Company, [1875]. 556 p.
13. Scot R. The Discoverie of Witchcraft. Being a reprint of the first edition published in 1584. London: Elliot Stock, 1886. 590 p.
14. Scott W. Letters on Demonology and Witchcraft. London: George Routledge and Sons, 1887. 320 p.
15. Spalding Th. A. Elizabethan Demonology: An Essay in Illustration of the Belief in the Existence of Devils. London: Chatto and Windus, 1880. 151 p.
16. Williams H. Superstitions of Witchcraft. London: Longman, 1865. 278 p.

